

И.И. ТИХОМИРОВА

кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского университета культуры и искусств

Видеть невидимое

Помните: «*Покатилось яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города видны, все леса видны, и полки на полях, и корабли на морях, и гор высота, и небес красота...*». Всякий раз, когда я читаю эти строки, мне приходит в голову мысль, что они в иносказательной форме выражают сущность процесса чтения. Читая, человек смотрит на «блюдечко» текста, его глазное яблоко движется от строчки к строчке, и... совершается сказочное: строчки исчезают, и на их месте появляется, как бы сейчас сказали, виртуальная реальность, или кинолента, видимая ему одному.

Еще одна сказка напоминает мне волшебные свойства чтения — «Синяя птица» Мориса Метерлинка. Фея, у которой имелся волшебный алмаз, поворачивала его разными гранями. И дети оказывались то в мире прошлого, то в мире будущего, то в радости, то в печали, то при свете дня, то во тьме ночи. Волшебница так и говорила: «*Ах, люди, люди, — они слепы и видят лишь то, что можно увидеть глазами. Но вам, дети, я верну зрение*». И она дала им внутреннее зрение, способность видеть души людей — то, чего глазами не увидишь.

Если в сказке новую реальность создают волшебные силы, то в процессе чтения ее осуществляет читатель, погруженный в книгу. Стоит, например, прочесть: «*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*», — как в мгновение ока, превосходящее во много раз скорость вхождения в Интернет, перед мысленным взором человека появляется живая, наполненная цветом и звуками картина, — единственная и неповторимая ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Содержание ее подсказывается автором напечатанных строк и воображением читателя. В отличие от компьютерной реальности, которой могут пользоваться все, читательская, за редким исключением, остается *вещью в себе*. Будучи часто скрытой для других и не востребо-

ванной, она гаснет, оставляя лишь след в памяти в виде ярких или смутных впечатлений. Исключение составляют те редкие случаи, когда творчески одаренные люди претворяют эту невидимую для постороннего взгляда реальность в видимую, создавая на ее основе иллюстрации к прочитанному, музыкальные произведения, киноверсии, театральные постановки и др. Дети, воодушевленные увиденными в своем внутреннем мире образами, воссоздают их порой спонтанно в рисунках, игре, импровизации, в ответном литературном творчестве.

Толчок для преобразования мертвых строк текста в живую реальность дает духовная энергия СЛОВА. Слово, если говорить научным языком, принадлежит ко второй сигнальной системе, а не к первой, к которой относятся все другие виды искусства, прямо действующие на органы чувств. Слово — «сигнал сигналов» — действует опосредованно через деятельность нашего сознания. С.Я. Маршак в своей книге «Воспитание словом» говорил: «*Слово и сочетание слов связаны в нашем сознании со многим множеством самых сложных ассоциаций и способны поднять со дна души целый мир воспоминаний, чувств, образов, представлений*». Слово способно передавать любые зрительные, слуховые и другие представления, трансформироваться в раз-

ные смыслы. Ему подвластны и музыка, и живопись, и внешний, и внутренний мир. Оно вбирает в себя свойства всех других видов искусства. «Слово, — писал К. Паустовский в книге «Золотая роза», — *обладает светом и красками живописи, выпуклостью скульптуры, соразмерностью архитектуры, ритмом и мелодичностью музыки. Словом можно передать все — от ничтожнейшей пушинки до симфонии Бетховена!*» Особенно богат и многозначен литературный язык классики, где каждое слово более объемно, более значимо, чем простая информация. Гоголь, говоря о поэзии Пушкина, отмечал: «*Слов немного, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства: каждое слово необъятно, как поэт*». Эта бездна пространства и обуславливает неисчислимость образов, рожденных пером талантливого писателя.

Итальянский детский писатель Джанни Родари, исследовавший природу фантазии, в своей книге «Грамматика фантазии» обратил внимание на характер словосочетаний, особо влияющих на воображение ребенка. «*Надо, чтобы два слова, — говорил он, — разделяла известная дистанция, чтобы одно было достаточно чуждым другому, чтобы соседство их было сколько-нибудь необычным — только тогда воображение будет вынуждено активизироваться, стремясь установить между словами родство, создать единое, фантастическое целое, в котором оба чужеродных элемента могли бы сосуществовать*».

Мы предложили детям нарисовать словами картину, которая видится им при чтении фразы: «Море смеялось» (первая строчка рассказа Горького «Мальва»). Обнаружилось, что разнообразие рисуемых картин чрезвычайно велико. У одних — море солнечное, у других — темное, у кого-то — бурливое, у кого-то — бесшумное, кто-то называет его ласковым, кто-то, напротив, злым. Один видит его ровную гладь, другой представляет брызжущим. Звуковая и цветовая палитра, наполненная разным настроением, легко объяснима. Ведь смеяться можно и от веселья, и сквозь слезы, громко хохотать и тихо хихикать, смех может быть добрым и злым, ободряющим и язвительным. В зависимости от возникших вместе со словами «море смеялось» ассоциаций, возникают в сознании юного читателя разные образы моря. Ни одна из кажущихся ребенку картин не может быть оценена как более правильная или неправильная, каждая имеет право на существование, обусловленное полифоничностью слова.

Но не только могуществом слова определяется чудодейственность чтения. Она во многом зависит от способности читателя к восприятию даруемого ему богатства. Художник-писатель, создавая словесный ряд, дает лишь отправной пункт для работы воображения художника-читателя, а какой будет эта работа, зависит от последнего. Николай Рыленков писал:

Горят, как жар, слова
Иль стынут, словно камни,
Зависит от того,
Чем наделил их ты.
Какими к ним в свой час
Притронулся руками
И сколько отдал им
Душевной теплоты.

Л.С. Выготский сравнил чтение с евангельским чудом превращения воды в вино: волнение, вызываемое литературными образами, заключает в себе «*нечто сверх того, что в них содержится*». Вот подросток Алеша Пешков, будущий писатель М. Горький, читает пушкинские стихи «У лукоморья».

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...

И ему представлялись едва заметные тропы. Он видел таинственные следы, которыми примята трава, капли росы на ней, тяжелые, как ртуть. «*Полнозвучные строки стихов запомнились удивительно легко, украшая празднично все, о чем говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою — легкой и приятной, стихи звучали как благовест новой жизни. Какое это счастье!*»

К способности читателя видеть невидимое в тексте взывал Чехов, давая в описании пейзажа лишь самое характерное и предоставляя остальное творчеству читателя. Можно вспомнить хрестоматийный пример — блестящее от лунного света горлышко разбитой бутылки, когда воображение дорисовывает звездное небо, тишину, изредка нарушаемую лаем собак, таинственные тени в отдалении, словом — всю картину лунной ночи.

Стимулируя воссоздание читателем живой конкретности произведения, мы открываем «ворота в образ». Это начало начал постижения художественного произведения. Но именно только начало. «Живым созерцанием» конкретного не ограничивается восприятие литературного произведения. Любой читатель может живо представить, скажем, куст репейника, описанного Л.Н. Толстым в его «Хаджи-

Мурате». Но его описание будет далеким от понимания этого образа, если он не соотнесет его с главным героем повести, ибо это описание — не самоцель, а средство, помогающее вхождению читателя в образную систему произведения, постижения ее глубинного смысла и характера героя.

В своей статье «Радость детей. Читательские впечатления в детском рисунке» методист ЛОДБ В.Ю. Темнова рассказала об опыте анализа детских рисунков по следам прочитанного. На этом материале она изучала восприятие детьми сказок С. Козлова «Звуки и голоса». Это сказка о двух друзьях: мечтателе Ежике и добродушном Медвежонке. Прослушав сказку, дети отразили в рисунке свои впечатления. Оказалось, что кроме Ежика и Медвежонка нарисованы были грибы, и яблоки, и чудо-дерево, и много другого, чего нет в тексте. Автор эксперимента обнаружила, что юные творцы использовали только что услышанную сказку в основном как площадку для своего воображения. Интересен, например, комментарий автора рисунка, где маленький медвежонок с необыкновенно большими глазами стоит на вершине разноцветной башни, и вокруг него — черные звезды: *«Ежик научил Медвежонка смотреть на звезды, и вот он ночью забрался на башню, чтобы лучше рассмотреть в бинокль. Башня разноцветная, потому что осень»*. *«Ясно, — говорит исследователь, — что сказка “Звуки и голоса” вызвала в памяти ранее прочитанную историю про двух друзей, а дальше друг на друга начали накладываться ассоциации: звезды — бинокль — башня — осень — разноцветные листья — башня тоже разноцветная. Ребенок расширяет границы сказки, чтобы поместить туда все, что только родилось в его воображении... При этом удивляет, насколько непринужденно чувствует себя малыш в передаче на бумагу своих ассоциаций»*.

Изучая детские рисунки по следам прочитанного, специалисты установили ряд парадоксов читательского воображения. Об одном из них, когда читатель добавляет к прочитанному свои образы, порой несоответствующие образам автора, мы только что рассказали. Добавим еще пример. Пятилетняя девочка к сказке «Колобок» нарисовала маленькую рыжую лису и большого, раз в пять больше лисы, — колобка. На вопрос: «Почему колобок больше лисы?» — ответила: *«Чтобы лиса не смогла его съесть»*. Алогичностью рисунка ребенок защитил колобка от лисы и спас его. Чувство продиктовало соответствующую несоразмерность образов.

Другой парадокс детского читательского восприятия, выраженный в рисунках детей, был замечен профессором Н.Е. Добрыниной. Она обратила внимание, что дети в рисунках не только добавляют к тексту свои образы, но, напротив, — многое не дорисовывают, оставляя поле для домысливания. Так, по стихотворению К. Чуковского «Федорино горе» девочка трех лет нарисовала домик. Ни самой Федоры, ни посуды на рисунке не оказалось. На вопрос: «А где они?» — девочка ответила: *«Они в домике, их просто не видно»*. В этой связи вспоминается Маленький принц А. де Сент-Экзюпери. Лучшим рисунком барашка он посчитал просто нарисованный ящик, в котором, по его мнению, находится барашек («его просто не видно»). Облик барашка рисует детская фантазия.

Приведенные примеры убеждают, что превращение слов в образы — уникальные и неповторимые — есть способность, свойственная если не всем, то многим юным читателям, в коих джинн воображения не запрятан в бутылку. Надо сказать, что, читая, мы не только видим и слышим нашим внутренним зрением и слухом, но и осязаем и обоняем, а порой по воле автора вызываем в себе ощущение вкуса. Вот как рассказывает об этом писатель Юрий Бондарев, с детства влюбленный в рассказы Паустовского. *«Я могу закрыть глаза, — признается он, оглядываясь на свое детское восприятие, — и по ощущениям вспомнить, как спокойно на рассвете море и как горяча галька, прожженная солнцем, как теплы в полдень стены домов в Новороссийске и Одессе, как догорает закат в пролете сосен, как ложится первый снег на проселочные дороги и поднимается едкий туман над влажной малярийной Колхидой, как скрипят половицы в старом, разошедшемся доме, наполненном бледно-снежным светом российской вьюги, как вечером пахнет мокрыми заборами в маленьком приокском городке, как ровно шумит дождь по крышам, как в осенние ночи остро блестит, переливается созвездие Орион над темными лесами, отражаясь в воде»*. Не надо большого труда, чтобы заметить: одаренный читатель не только видит картины и слышит звуки (скрип, шум дождя), рожденные произведениями Паустовского, но и ощущает запахи едкого дыма, мокрых заборов, осязает горячность гальки и теплоту полуденных стен южных городов. Все органы чувств задействованы в процессе воссоздания образов.

Как мы могли убедиться, у руля чтения стоят двое — автор и сам читатель. Без этого дуэта писательское творчество лишается своей

силы, а читательское — своего импульса и опоры. Как книге нужна фантазия читателя, так фантазии читателя нужна книга. Книга как бы выманивает из сознания читателя множество впечатлений, заставляя по-новому их структурировать и оживлять. Это новое воссоздаваемое зрелище, которое проходит, как фильм, перед глазами читателя, и определяет влияние чтения на духовный мир человека. «Произведение литератора, — утверждал Горький, — только тогда более или менее сильно действует на читателя, когда читатель видит все, что показывает ему литератор, когда литератор дает ему возможность тоже вообразить — дополнить, добавить картины, образы, фигуры, характеры из своего читательского опыта, из запасов его, читателя, впечатлений и знаний».

Волшебство воображения проявляется не только в своеобразном структурировании впечатлений из прошлого опыта читателя (о нем говорил Л.С. Выготский в работе «О воображении и творчестве в детском возрасте»), но и в создании небывалого и даже того, чего никогда не может быть.

В качестве примера создания ребенком в своем воображении небывалых образов может служить отрывок из рассказа Тэффи «Добрые зерна»: «Однажды в школе учительница показала ребятам чашку и предложила нарисовать ее. Сидящий впереди мальчик долго смотрел на чашку и, наконец, поднял руку.

— Можно, я нарисую не чашку, а то, чего я никогда не видел? — спросил он.

— Что же ты хочешь нарисовать? — удивилась учительница.

— Дерево эвкалипт, — сказал мальчик задумчиво.

— Нарисуй, — согласилась учительница.

Мальчик некоторое время молчал и смотрел перед собой. Потом опять поднял руку.

— Можно, я нарисую то, что видели только некоторые? — спросил он.

— Объясни, пожалуйста, что это такое, — сказала учительница с интересом.

— Синяя птица, — сказал мальчик очень серьезно.

— Пожалуйста, рисуй синюю птицу, если тебе так хочется.

Весь класс старательно скрипел карандашами. Но мальчик, спустя какой-то срок, снова поднял руку.

— Я хотел бы нарисовать то, что никто никогда не видел, — сказал он тихо. — Можно?

— Например?

— Мамонта, когда он просыпается, — сказал мальчик виновато.

— Мамонта? — переспросила учительница, внимательно глядя на него.

— Мамонта, — вздохнул мальчик

— Ну что же, — сказала учительница. — В конце концов, можно и мамонта.

Урок закончился, весь класс отдал учительнице тетради, где была старательно нарисована круглая чашка с ручкой «бубликом».

Только перед мальчиком, сидящим впереди, лежал чистый лист бумаги. Мальчик хотел нарисовать эвкалипт, синюю птицу, просыпающегося мамонта — и не нарисовал ничего.

Но весь урок он видел их, видел огромное красное дерево с голубой тенью, стаи попугайчиков, которые клевали его цветы, видел волшебную птицу счастья, видел мамонта, медленно выходящего на луг, поросший гигантскими цветущими травами... Он видел их, восхищался ими, стремился их нарисовать, но маленькие пальцы его были слабей, чем его воображение, его мечта: лист бумаги остался чистым. Но учительница не поставила ему двойку. Она оценила силу и пылкость его воображения. Она угадала в мальчике поэта».

Литературное произведение тоже способно рождать в ребенке мечты и образы, непроизвольно выводящие его сознание за рамки текста. В письме в редакцию девочка пишет: «Когда я прочитала книгу (Речь идет о повести В. Абдуловой «Листья банана». — И.Т.), я была разочарована: так быстро она кончилась. В моей фантазии я еще не дочитала книгу. Я замечталась. Перенеслась в Индию. Заросли бамбука. Змеи. Хамелеоны. Я придумала новый город в Индии. Он будет назван в честь Индиры Ганди — Гандибад. Там будут жить самые умные и самые талантливые люди...» Дальше девочка рассказывает о том, каким она видит этот город, созданный ее воображением. Благодаря силе фантазии читатель может побывать на другой планете, в воде или под водой, оказаться один на необитаемом острове, пожить в прошлом и будущем. Исследователи феномена воображения утверждают, что именно оно лежит в основе творчества — «прорыва в новое» (Н.А. Бердяев). В современном понимании воображение есть мысленное представление объектов, действий, ситуаций, не данных человеку в актуальном восприятии и простирающим его сознание равно как в прошлое, так и в будущее. Применительно к чтению это определение требует поправки. Если воспринимая картину или фильм, человек видит готовые образы и его актуальное восприятие адекватно им, то, воспринимая текст книги, читатель сам его

творит. Образное представление персонажей, эпизодов, картин, человеческих судеб осуществляется читателем именно в самом актуальном восприятии, непосредственно в акте чтения, а не за его пределами. Это не исключает выход воображения читателя как «в прошлое, так и в будущее». В стихотворной форме эту способность сформулировал поэт Леонид Мартынов:

Вспоминаем неожиданно,
Непредвиденно, негаданно,
То, что было и не видано,
Да и впредь не предугадано.

Это непредвиденное, негаданное, невиданное, рождаемое в процессе чтения, — не только познавательная способность, но явление культуры, ее энергия, придающая ей движение вперед. Только творческий человек с развитым воображением способен внести свой вклад в культуру, содействовать ее подъему.

Существует мнение о том, что активностью воображения обладают лишь талантливые читатели с доминантой деятельности правого полушария мозга. Психолог Л.С. Выготский доказал, что способность к воображению есть у каждого ребенка, только не у всех она развита. В последние годы педагогами замечено, что яркость воображения у современных детей по сравнению с предыдущими поколениями понижена. Одна из причин такого явления лежит в рационализации педагогических методик и программ, касающихся чтения, в повороте всей системы литературного образования и воспитания на извлечение из текста и обработку искомой информации. Сказывается и дефицит эмоциональных контактов и формирования конкретно-чувственных форм мышления.

Многие взрослые даже не подозревают о живых впечатлениях читающего ребенка. Если они и говорят с ним о прочитанном, то преимущественно на языке сухой информации, игнорирующей работу воображения. Повезло тем детям, чье право на собственное видение образов взрослые уважают и поддерживают. Цель взрослого — раздражить фантазию читателя и помочь объективировать ее в слове, рисунках, играх и других продуктах читательской деятельности. Библиотека с ее миссией соединять книгу и читателя, создавая на этой основе особую среду, может и должна занять здесь лидирующее положение.

Для развития образного мышления детей на основе прочитанных книг особое значение имеют беседы о прочитанном, главное назна-

чение которых — выманить и разделить с ребенком читательские впечатления, помочь выразить их в слове. Для этого библиотекарь может использовать вопросы следующего характера:

Привлекающие внимание к духовной силе словообраза (Включи воображение: что открывается твоему внутреннему взору (слуху) в ответ на слово (словосочетание)? Что вкладываешь ты в него? Попробуй нарисовать словами возникшую картину).

Тренирующие перевод словесного ряда в зрительный или слуховой (Если бы ты был художником, какую бы иллюстрацию нарисовал, какой эпизод и как изобразил бы? Какая бы музыка могла сопровождать фильм, созданный по этому произведению? Если бы ты был актером, то какую бы роль выбрал для себя по этому произведению?).

Нацеленные на выявление индивидуально-личностных характеристик читателя (Если бы ты оказался среди героев этой книги в конкретной ситуации, что бы ты испытывал, как бы вел себя?)

Стимулирующие проективное мышление детей (Как, по-твоему, будут развиваться события книги дальше, как сложится судьба героев, что последует сразу за концом произведения?).

Привлекающие внимание к иллюстративному ряду книги как проявлению творческого чтения художника (Что добавил художник в изображении данного эпизода от себя? Что изменил? Что упустил по сравнению с текстом произведения? Как в иллюстрации проявилось его читательское творчество?).

Мы наметили лишь несколько направлений бесед, нацеленных на развитие воображения читателя. Уверены, что творческий библиотекарь найдет и использует свои собственные. Их подскажут его личный опыт и своеобразие обсуждаемого с ребенком литературного произведения. Большое значение имеет собственная рефлексия библиотекаря как читателя. Его фантазия взбудоражит фантазию читателя, создаст общность переживаний, по-человечески сблизит взрослого и ребенка. Развивая воображение на материале лучших художественных произведений, рассчитанных на сотворчество ребенка, взрослый подводит его к осознанию чтения как удивительного творческого акта, ничем не заменимого явления культуры. Здесь таится ключ, превращающий скучное движение «яблока по блюдечку» в сказочное чудо.